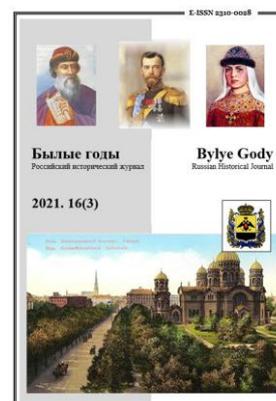


Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1409-1420
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1409
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Ideological Self-Determination and Inter-Party Rotations in the Russian Democratic Environment (late XIX – early XX centuries)

Olga L. Protasova ^{a, *}

^aTambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The relevance of this work is due to the need to study the experience of political socialization received by the leading representatives of Russian democratic parties in the late XIX – early XX centuries. The nature of the events of a socio-political nature that took place in the Russian Empire during this period is to a large extent consonant with what is observed in modern Russia: this is the growth of civic consciousness and activism, the noticeable democratization of the political (especially the opposition) elite, the emergence and formation of political and public organizations. Using the examples of biographies of prominent figures of democratic socialism in Russia at the beginning of the twentieth century, the main factors of a social and demographic nature that contributed to the choice of one or another ideological and, as a result, organizational and party orientation of representatives of socially active youth of the modernization period are shown for the first time in a complex. The regularities of the formation of political preferences of future politicians are revealed. It is noted that inter-party rotations in this environment were not mass, but individual, and the political self-determination of representatives of the parties of democratic socialism was, as a rule, conscious and firm.

Keywords: democratic socialism, neo-populism, Marxism, political parties, ideology, modernization.

1. Введение

Проблемы социализации, и не в последнюю очередь – социализации политической, относятся к разряду проблем общественного развития, которые никогда не утратят своей актуальности, поскольку отражают сущность, закономерности и специфику действующего в обществе механизма социального наследования. Трансляция политико-культурного опыта не только обеспечивает сохранение и передачу от старших поколений младшим социально-политических традиций, но и обеспечивает преемственность норм, ценностей, способствует институциональной устойчивости общества и государства.

Полноценно осуществляемая политическая социализация на микроуровне (отдельные граждане), мезоуровне (социальные группы), макроуровне (все население), несомненно, способствует стабилизации и развитию всей политической жизни страны. Для России с дискретностью ее социально-политического прогресса эта тема чрезвычайно значима. Только за прошедший XX век трансформационные процессы неоднократно приводили к принципиальным изменениям базовых характеристик всех сфер общественной и политической жизни, причем столь масштабные изменения сопровождалась глубоким системным кризисом. На этом фоне снижалась эффективность политической и государственной власти, переставали действовать многие социальные институты, происходила массовая утрата ценностных ориентаций и общество неоднократно впадало в состояние аномии. В такой обстановке неизбежно разрушалась и привычная система социализации (политическая – не исключение), в результате чего страдали многие сферы жизни социума, в том числе и нравственно-бытовая.

* Corresponding author

E-mail addresses: olia.protasowa2011@yandex.ru (O.L. Protasova)

В исторической литературе на сегодняшний день по-прежнему наблюдается недостаток работ, посвященных проблемам политической социализации деятелей прошлого – таких, которые имели бы обобщающий характер. В биографиях конкретных политических фигур повествуется, конечно, о процессе выбора ими идейного пути, показаны условия и обстоятельства их вхождения в политику. В постсоветских работах появилась антропологическая направленность, что выразилось в намерении переместить центр научного внимания на ранее недооцениваемых субъектов истории – рядовых граждан и отдельных политических активистов. Тем не менее труды, которые выявляли бы тенденции формирования таких предпочтений у представителей разных социальных групп, сегментов, пока еще в дефиците, поэтому автор считает возможным утверждать о новизне данного исследования.

Цель работы – обнаружить, показать и обобщить основные группы факторов, прямо либо косвенно влиявших на направление политической социализации лидеров и иных заметных представителей партий демократического социализма России конца XIX – первой четверти XX вв., а также отследить масштаб и векторы внутри- и межпартийных ротаций в демосоциалистической и отчасти либеральной среде.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы привлечены дореволюционные и послереволюционные архивные материалы – эпистолярное наследие современников исследуемой эпохи, активных политиков и членов их семей, а также политическая и художественная публицистика участников описываемых событий и процессов. Современные материалы, послужившие научным подспорьем при подготовке данной работы, – энциклопедические издания, база данных, составленная при участии автора настоящей статьи, монографические исследования и статьи по проблематике демократического социализма России конца XIX – первой четверти XX веков.

Основные методы данного исследования:

- системно-структурный (в общем контексте рассматриваются характерные биографические факты, приведшие того или иного деятеля в активную политику и заставившие сделать идейный выбор в пользу демократического социализма, а затем или сохранять верность своему выбору, или перейти в либеральный либо леворадикальный лагерь);
- компаративный (сопоставляются и сравниваются твердость и окончательность политической ориентации деятелей крупнейших социалистических партий России начала XX в., а также некоторых либералов);
- исторической персонификации (выделены деятели, на примерах биографий которых специфика исследуемых процессов иллюстрируется особенно ярко);
- анализ (выявлены и проанализированы основные причины и условия политического выбора);
- синтез (обобщены полученные сведения, сделаны итоговые выводы).

3. Обсуждение

В 1990-х гг. отечественная историография, освободившись от предписания показывать все события, явления и процессы в классовом и партийном контексте, обратилась к жанру политической биографии, и на свет в большом количестве стали выходить диссертационные и монографические исследования, посвященные ярким политическим деятелям прошлого. Затем, в 2010-е гг., историки стали возвращаться в своем методологическом выборе к синтезу и вновь заинтересовались проблемой партийности, но теперь в ином аспекте, а именно – занялись вопросами российской многопартийности, богатейший материал для изучения которой дала эпоха конца XIX – начала XX вв. Среди ученых, чьи труды были особенно полезны в разработке проблемы данного исследования, отметим известных специалистов по истории ПСР К.Н. Морозова ([Морозов, 1998](#); [Морозов, 2013](#); [Морозов, 2014](#) и др.); К.Г. Гусева ([Гусев, 1999](#)); систематизатора политических взглядов и в целом творческого наследия В.М. Чернова О.В. Коновалову ([Коновалова, 2009](#)); автора работ по истории ПСР и ТНСП Н.Д. Ерофеева ([Ерофеев, 1979](#)), который в свое время первым привлек научное внимание к народным социалистам и их взаимоотношениям с эсерами; М.И. Леонова ([Леонов, 2019](#)); Ю.Н. Емельянова ([Емельянов, 1998](#)), А.С. Сенявского ([Сенявский, 2013](#)) и др. Отчасти к указанной тематике ранее обращался и автор данной статьи ([Протасова, 2004](#); [Протасова, 2019](#); [Протасова, 2020](#)), рассматривая взаимодействие российских партий демократического социализма в эпоху модернизации и революций. В качестве ценнейших базовых источников особо следует выделить энциклопедию «Всероссийское Учредительное собрание», в которой собраны биографические сведения о ряде интересующих нас персоналий ([Всероссийское Учредительное собрание, 2014](#)), и коллективную монографию группы российских историков ([Политические деятели российской провинции, 2013](#)), содержащую количественный и качественный контент-анализ политической элиты российской провинции предреволюционного и постреволюционного периодов.

Из современников – непосредственных свидетелей и участников описываемых в статье событий, элементы содержания чьих работ послужили основой для итоговых выводов, – выделим

В.М. Чернова (Письма В.М. Чернова, 2014), М.В. Вишняка (Вишняк, 1954), А.В. Пешехонова (Пешехонов, 1917), В.М. Зензинова (Зензинов, 1953), Н.В. Валентинова (Валентинов, 1993) и др.

4. Результаты

Идейное самоопределение для начинающего политика – вопрос принципиально важный, влекущий за собой выбор организации, в рамках которой он будет реализовывать свою деятельность.

Гражданская политическая культура с наличием демократических представительных учреждений, всеобщими выборами, привитием основ политической грамоты развивается на отечественной почве уже не один десяток лет, а это срок немалый. Рядовому гражданину не обязательно специально интересоваться политикой: современные средства массовой коммуникации способствуют политической социализации граждан даже иногда помимо их желания, и у людей, осознают они это или нет, формируются и определенное политическое мировоззрение, и политический вкус, и политические предпочтения, хотя бы на обыденном уровне. В результате в обществе наблюдается рост гражданского активизма.

Политическая социализация, важной частью которой является партийно-идеологическая самоидентификация, представляет собой усвоение политических ценностей и норм, необходимых для адаптации в сложившейся политической системе и, как следствие, выбора путей и методов реализации собственной политической деятельности. В современном мире (в том числе и в России) человек, решивший связать с политической сферой свою жизнь, может руководствоваться богатым теоретическим и практическим опытом, наработанным представителями разных организаций и идеологий прошлого и уже проанализированным историками и политологами разных стран. На сегодняшний день выделены ярчайшие представители всех идейных направлений, в том числе мирового масштаба; оценен их позитивный и негативный вклад в теорию и практическую политику, известна сумма достижений и просчетов, побед и неудач. Этот процесс осмысления политического прошлого и прогнозирования будущего продолжается, идет перманентно. Изучая и критически осмысливая данный опыт, начинающий политик, живущий в демократическом обществе, вдобавок к узанному использует в условиях идейного плюрализма возможность свободного мировоззренческого выбора, руководствуясь собственными политическими и человеческими вкусами, принципами, симпатиями и, конечно, совестью – в целом соображениями более рациональными, чем эмоциональными.

Для человека, вступающего в политику в России последней четверти XIX – начала XX веков, механизм выбора политической ориентации был несколько иной: и проще, и в то же время сложнее, чем сегодня. Пожалуй, можно сказать, что объективно он был, как правило, более спонтанным, чем у политиков настоящего времени. Специфику политической системы пореформенной России можно охарактеризовать так: в стране набирали ход процессы формирования гражданской культуры (пусть пока еще не во всех, а в наиболее просвещенных сегментах общества) и дифференциации по идеологическому признаку. К этому моменту уже сложились как основные представления о возможных вариантах социального развития, так и силы, их отстаивающие. Альтернативы социально-политического развития были следующие: консервативная (исходила от самой власти и предполагала ограничить политико-системные изменения, раз без них никак нельзя обойтись, самым необходимым минимумом, оставив основы существующего строя неизменными); либеральная (обосновывалась представителями преимущественно западных и отчасти славянофильских концепций и предлагала изменить политический строй в России, взяв в качестве образца либо опыт «западной демократии», либо традиции Земского собора и Боярской думы) и, наконец, радикальная (настаивала на кардинальной смене всего социально-экономического и политического строя).

Для большинства политических и общественных деятелей старшего поколения, которым к моменту формирования отечественной партийной системы было уже 40–50 лет, вопрос организационной принадлежности решился проще и естественнее, чем для тех, кто только входил во взрослую жизнь. Их политическая социализация проходила в годы, когда была возможна дихотомия «консерватор – оппозиционер», а оппозиционная деятельность либо проходила в рамках подпольных народнических организаций (социализм), либо разворачивалась как идеологическое направление в ученой среде (как правило, либеральной). Агентами такого вхождения в сферу политического выступали семья, круг общения, образовательные учреждения, места начала трудовой деятельности – то есть, в более широком смысле, социокультурная среда, в которой проходили взросление и завершение становления личности будущего политика. Не последнюю роль играл и базисный «тренд» эпохи – отношение к государственному режиму в целом. В годы царствования Александра I и Николая I дворянин-оппозиционер был редким, а аристократ-бунтарь, пошедший против власти, – вовсе исключительным случаем; каждый из таких вольнодумцев порицался общественным мнением собственного сословия. Однако во второй половине столетия ситуация разительно изменилась: оппозиционность уже была не просто распространенным явлением, но даже считалась хорошим тоном, в то время как верноподданство выглядело почти неприличным, ибо воспринималось теперь как символ ретроградства и обскурантизма, свойственный прошлой непросвещенной эпохе. Разрушение сословной системы вследствие перехода от традиционного общества к индустриальному

привело к большому разнообразию в выборе профессий, многие из которых напрямую влияли на дальнейшую политическую ориентацию человека. Обедневшее дворянство стало активно осваивать массовые интеллигентские профессии – работать врачами, учителями, юристами, земскими статистиками, агрономами и т.п. Доступ в «благородные» профессии, способствующие личностному развитию и политическому саморазвитию, получают и выходцы из условных «низов» – например, зажиточного крестьянства. Работа в земствах, где начинали свою деятельность многие известные политики революционной поры, давала возможность непосредственно познакомиться с «настоящей Россией», ее народом, проникнуться ее нуждами, бедами и чаяниями. Многие представители прогрессивно настроенной интеллигенции обоснованно считали, что земство – именно то звено, посредством которого может быть преодолено извечное безразличие крестьян ко всему, что не затрагивает напрямую их общинно-хозяйственных и семейных интересов. Поэтому, несмотря на все недоработки и недостатки земской системы, служилая интеллигенция приняла самое живое участие в развитии и «продвижении» земств. Большинство политиков, чья профессиональная деятельность брала старт в качестве так называемого «третьего элемента» (это случайное выражение самарского вице-губернатора В.Г. Кондоиди настолько распространилось и прижилось, что стало использоваться как в быту, так и в официальной и научной лексике), то есть наемных земских служащих, выбирали своим идеологическим ориентиром социализм народнического толка. Едва ли не каждый второй из народно-социалистической верхушки начинал свою карьеру в земствах. Лидеры партии А.В. Пешехонов, Н.Ф. Анненский – бывшие земские статистики, С.Я. Елпатьевский – земский врач. Видными деятелями партии народных социалистов, вышедшими из земско-статистических бюро, были Н.М. Кисляков, П.И. Неволин, Т.И. Осадчий, Н.П. Огановский и др. Медицинский «корпус» земств представляли В.В. Хижняков, И.Е. Марков, М.П. Глинка, Л.В. Карташов, И.К. Кондорский, А.Ф. Лисин, В.Н. Золотницкий, Д.В. Уразов и многие другие, чье активное участие в политической жизни страны на разных уровнях, от местного самоуправления до законодательной власти, не прекращалось до осени 1917 г. Главный идеолог эсеров В.М. Чернов на заре своей общественно-политической карьеры был канцелярским служащим в Тамбовском земстве.

Помимо учебы и службы, формированию мировоззрения способствовали и знакомства, профессиональные, дружеские, родственные связи. У Н.Ф. Анненского, например, не было альтернативы – пойти в политику или нет: его женой стала родная сестра знаменитого народника-анархиста П.Н. Ткачева (Протасова, Бикбаева, 2020: 38), а общественный темперамент самого Анненского и внимание к нему и его близким со стороны полицейских органов завершили процесс формирования оппозиционера. С.Я. Елпатьевский, обучаясь на медицинском факультете Московского университета, активно участвовал в различных мероприятиях политической направленности вместе со своими товарищами, чьи имена стали также известны в профессиональной и общественной сфере: С.А. Харизоменовым, П.П. Кащенко, А.Ф. Михайловым и др. В первый же год работы земским врачом состоялось знакомство Елпатьевского с сестрами Фигнер, которым молодой медик оказывал конспиративную помощь. После ареста Е.Н. Фигнер началось дознание и в отношении Елпатьевского; раз попав в круг внимания полиции, вырваться из него было уже практически невозможно, и в дальнейшем последовали высылка в Уфу, ссылка в Сибирь, запрет жить в столицах и несколько лет жизни в Поволжье, где к тому времени стараниями Н.Ф. Анненского, В.Г. Короленко и др. сформировалась настоящая народническая колония, превратившая провинцию в культурно-политический центр.

Еще проще идейный выбор дался А.В. Пешехонову, вся молодость которого, по сути, было связана с деревней. Он настолько любил все народное и русское, что к народничеству примкнул совершенно естественно и радовался, что полемика с марксизмом помогла народникам консолидироваться, избавиться от некоторых пережитков прошлого (например, идеализации общины как готовой ячейки социалистического общества и крестьянина как прирожденного социалиста), заставила обновить свой идейный арсенал и привести его в соответствие с российскими реалиями.

Еще один выходец из российской глубинки, для которого выбор политического пути не составил особого труда, – М.Д. Кутоманов. Его судьба – яркое свидетельство того, что в посткрепостнической России все-таки довольно многое изменилось по сравнению с традиционным дореформенным обществом. После 1861 г. с постепенным ослаблением сословных рамок стали возможны и восходящая, и горизонтальная мобильность не только для отдельных талантов и смельчаков типа Ломоносова, но и для целых социальных групп – то есть социальная динамика стала приобретать более массовый характер. Разумеется, это не стало явлением, затронувшим абсолютно всю территорию и все население сразу, но уже свидетельствовало о переходе к обществу современного, промышленного типа. В Российской империи стало появляться все больше людей, не пошедших по проторенной предками унылой сословной дороге, а выбравших собственную стезю и «сделавших себя сами». Таким был и М.Д. Кутоманов. Родом из очень бедной крестьянской семьи этот человек, как и Пешехонов, был плоть от плоти русской провинции, деревни. Он начинал помощником волостного писаря, параллельно работая на земле, а во время военной службы четыре года был писарем при штабе в Петербурге. Затем последовала работа статистиком в разных

ведомствах, в том числе в земских управах. С 1890-х гг. Кутоманов как представитель нового, развитого крестьянства занялся публицистикой, освещая вопросы острой общественной значимости. С 1899 г. он был «заочным» сотрудником газеты «Сын Отечества», служившей, по сути, органом оппозиционеров народнического направления. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что Кутоманов отдал предпочтение народнической, а не марксистской линии российского социализма. Впрочем, это не вызывает удивления: не только своим крестьянским происхождением, но и по возрасту (он родился в 1856 г.) Кутоманов не принадлежал к целевой аудитории марксистов, рекрутировавших в свои ряды гораздо более молодых людей. С партийным выбором, правда, дело обстояло сложнее. К началу XX века, когда стали оформляться и официально регистрироваться политические партии, Кутоманов уже несколько лет состоял членом социально-революционных кружков в Курской, Ярославской и Санкт-Петербургской губерниях. В 1905 г. он вошел в Саратовский комитет ПСР. Неоднократно арестовывался, высылался и был уволен со службы ([Государственная Дума, 1906: 38](#)), а 20 октября 1905 г. после выступления на одном из митингов в Саратове был избит черносотенцами ([Государственная Дума, 1906: 38](#)). 26 марта 1906 года М.Д. Кутоманов был избран депутатом в Государственную Думу Российской империи I созыва, где вошел в состав в Трудовой группы и в парламентской работе был весьма активен. Однако, согласно разным источникам, о его принадлежности к какой-либо партии речь не шла. Несмотря на то, что заполучить трудовиков в свои ряды желали и народные социалисты, и трудовики, и даже кадеты, эта парламентская группа берегла свою независимость от партийных организаций. Лишь летом 1917 г. трудовики вошли в состав ТНСП, и именно от этой партии Кутоманов баллотировался в состав Всероссийского Учредительного собрания, однако избран не был.

Политическому самоопределению не в последнюю очередь помогали и учебные заведения, точнее, та общественная среда, что складывалась в них. Нужно отметить, что выбору места учебы представителей разных идеологических направлений сопутствовали разные резоны. Например, у кадетов чаще всего это было желание получить достойное образование для будущей профессии, у социалистов преобладали мотивы, связанные с революционной работой: прежде всего возможность пожить за границей, в европейских университетских центрах, где можно было не только пополнить знания, но и завести политические знакомства. Товарищеская среда была вполне демократична, и молодежь в основном не заостряла внимания на национальной принадлежности друг друга. Как сообщает М. Вишняк, сионизм не был в почете у еврейской молодежи того времени ([Вишняк, 1954: 84](#)): он воспринимался интернационалистами настроенной молодежью как рудимент старого строя, подобный великорусскому национальному консерватизму, только иначе окрашенный. Молодые русские оппозиционеры относились к своим друзьям из еврейских семей также вполне толерантно. Несмотря на религиозные препятствия, заботившие их родителей, они нередко заключали такие смешанные браки. Дружба, любовь и политическое саморазвитие в этой среде органично переплетались, сплачивая студенческую молодежь. На рубеже веков в Германии сложился студенческий кружок в составе Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, А.Р. Гоца, М.В. Вишняка, И.И. Бунакова-Фондаминского, В.В. Руднева, ставший вскоре ядром руководства партии эсеров. Большинство этих людей были знакомы между собой уже не первый год, некоторые с самого детства. Единомышленники, по словам Зензинова, «полагали, что под наши революционные чувства необходимо подвести фундамент философии и науки» ([Зензинов, 1953: 46](#)), то есть сделать народническую идеологию более современной, приближенной к классическим образцам идеологии как особой формы культуры, имеющей в своем арсенале и теоретический, и практический компоненты. Европейские стандарты социализма в этом смысле могли быть хорошим руководством. Однако окончательное становление политических убеждений произошло у молодых людей поколения 1880-х позже, в 1905–1906 гг. М. Вишняк утверждает, что его окончательная политическая самоидентификация произошла относительно поздно (в 22 года) в результате внутренней борьбы и сомнений, но в итоге именно эта основательность застраховала его от фракционных и межпартийных метаний, от «смены вех», заигрывания с контрреволюцией и потом с большевиками ([Вишняк, 1954: 97](#)) и пр.

Те из молодых, чьи ранние годы были связаны с городом, особенно жители крупных губернских центров, и тем более столиц, из социалистических направлений предпочитали марксизм. Это течение ассоциировалось с Европой, следовательно, с прогрессом и надеждами на то, что Россия, двигаясь по намеченному европейскими социалистами вектору, наконец-то избавится от многовековой отсталости, самодержавного деспотизма, общественной спячки и пресловутой крестьянской «сиволопости» и придет к капитализму, последней ступени на пути к социалистическому будущему. В отличие от социалистов-народников, марксисты-горожане не испытывали особого душевного сочувствия к крестьянству и его социальным невзгодам. Капитализация деревни, считали они, ускорит переход крестьянства в ряды рабочих – по-настоящему революционного класса, значит, этот процесс следует оценивать положительно. В марксизме городской молодежи виделись социологический и экономический оптимизм и потенциальная пассионарность, способная смести самодержавный строй и сделать Россию страной западной культуры, со всеми свободными учреждениями и атрибутами ([Валентинов, 1993: 40](#)). Если к народническим партиям в результате примыкали преимущественно уроженцы 1870-х гг. и старше, то поколение 1880-х уверенно выбирало марксизм, так что на фоне своих

юных последователей В.И. Ленин, к началу XX века перешагнувший тридцатилетний рубеж, не только авторитетом, но и возрастом заслуживал почтительное прозвище «старик».

По средневозрастным показателям на 1917 г. либералы были старше, чем умеренные (правые) народники (трудовики и народные социалисты), а правые народники – старше, чем левые (социалисты-революционеры). Средний возраст кадетов был 50 лет, народных социалистов – 45–47, эсеров, меньшевиков, левых эсеров и анархистов – 35–38 лет (Политические деятели российской провинции, 2013: 35). Сословность, хотя границы этой категория социальной дифференциации к началу XX века стали размываться, выглядит удобным с социологической точки зрения инструментом анализа идеологических предпочтений. Крестьянство преобладало в эсеровской партии (она и позиционировала себя как крестьянская) – 52,4 %. У народных социалистов доля крестьян составляла 36,7 %, у меньшевиков – 33,8 % (Протасова, 2017: 60). Самой «дворянской» из социалистических партий оказались энесы – 25,2 %, эсеры и меньшевики шли по этому показателю практически вровень – 16,5 и 16,3 % соответственно (Протасова, 2017: 60). Мещанство преобладало в рядах «городской» партии – меньшевиков (37,5 %), доля мещан у эсеров составляла 20,9 %, у энесов – 13,5 %. Купечество было по сравнению с прочими сословиями аполитичным: их самое большое представительство среди социалистов было у энесов и оно не доходило до 5 %. Выходцы из духовенства отчасти следовали славным разночинским традициям общественного активизма времен Чернышевского и Добролюбова, составив в рядах народных социалистов почти 15 % (лидеры ТНСП А.В. Пешехонов и С.Я. Елпатьевский были сыновьями священников); более левые социалистические партии привлекали «поповичей» значительно реже: представителей духовного сословия было всего 6,2 % у эсеров и 5,4 % у меньшевиков (Протасова, 2017: 60).

Итак, в среде прогрессивно настроенной молодежи последних десятилетий XIX в. наиболее актуальной была дилемма: народничество – отечественный идеологический «продукт» или марксизм – философско-политическая новинка, пришедшая из Европы. Поскольку отличительной чертой российского политико-культурного облика рубежа позапрошлого и прошлого веков было переплетение процессов модернизации и архаики, в самоопределении молодых людей нередко причудливо сочетались аргументы в пользу той и другой идеологии, выдвигаемые чисто по-русски – не столько разумом, сколько «душой». Отсюда и формы, которые приобретали идеологические дискуссии – много страстности и дефицит упорядоченности, системности, эклектичность взглядов. Например, В.М. Чернов определял суть своей (и эсеровской) концепции так: революционно-политическое народничество как основа, «позитивизм в области философии, строгий марксизм в экономике» (Гусев, 1999: 11). Однако эта эклектичность помогала наиболее вдумчивым из будущих идеологов избегать идеализации того или иного учения и критически подходить к концепциям социалистических авторитетов. Чернов, в целом принимая экономическую часть марксизма, отмечал большую недоработку этой теории – намеренное избегание темы морали (Шубин, 2007: 496), которую отечественные социалисты-народники считали как раз очень принципиальной. Правый эсер М.В. Вишняк признавался, что в момент выбора идейного пути от марксизма его отвратило «понимание социализма как идеологии и морали, присущей определенному классу» (Вишняк, 1954: 99). По словам Вишняка, в первую очередь именно поэтому он не рассматривал вопрос о вступлении в РСДРП. Товарищеские связи привели его к социалистам-революционерам, хотя и в программе этой партии его смущал ряд положений, например, заявление о революционности, а особенно – проповедь политического террора, которую с точки зрения той же нравственности прославлять и пропагандировать было неприемлемо. Впрочем, вступая в партию, он сразу заявил, что не собирается участвовать ни в террористической деятельности, ни в «братоубийственной» борьбе эсдеков с эс-эрами и обратно» (Вишняк, 1954: 100). Всем без исключения народникам казалось сомнительным и даже вредным для подготовки общества к революционным изменениям деление трудящихся на «более революционные» (пролетариат) и «менее революционные» (крестьянство и интеллигенцию) сегменты.

По словам историка А.В. Шубина, «Россия в тот момент превращалась в важную идейную лабораторию, недооцененную западными идеологами социализма вплоть до 1905 года» (Шубин, 2007: 496). Это утверждение отчасти опровергает статья К. Каутского «Славяне и революция», опубликованная в 1902 г. (Искра, 1902). В ней Каутский, на тот момент один из самых маститых идеологов социализма, прозванный «римским папой марксизма» (Кретинин, 2007: 246), написал, что на интересующий нас момент (начало XX века) революционный центр из Западной Европы переместился в Россию и эта страна, «ранее далекая европейская периферия, оплот реакции и абсолютизма», теперь вполне могла послужить для европейского социализма, «зараженного духом дряблого филистерства и трезвенного политиканства» (Искра, 1902), источником революционной энергии. Из этого и подобных заявлений следует, что, хотя срок действия радикальных партийных организаций в России был тогда еще невелик, европейская социал-демократия уже признала их заслуги в борьбе с царизмом, оценила решительность революционного настроения, потенциал и приняла на равных в свою интернациональную социалистическую среду.

Другая мысль А.В. Шубина – «явление марксизма в России проходило в такой форме, что обмен идеями то и дело перерастал в склоку, да и само наследие Маркса не столько углублялось, сколько примитивизировалось для более удобного потребления рабочими и студенческой

молодежью» (Шубин, 2007: 498) – представляется совершенно справедливой. Тон дискуссии задавали молодые марксисты, у которых темперамент нередко подменял научную аргументацию. Среди них был и В.И. Ленин: для него идейное состязание с народничеством стало, без преувеличения, трамплином политической карьеры и «обкаткой» полемического инструментария.

Н.В. Вольский (Валентинов) в самом начале своей политической карьеры был убежденным марксистом-большевиком. Этому в немалой степени способствовал случай: после побега из тюрьмы за границу Вольский познакомился с Лениным, некоторое время был вхож в его дом в Женеве, находился под обаянием сильной и авторитарной натуры Владимира Ильича. Однако после размолвки с ним, повлекшей за собой серьезный пересмотр политических взглядов (главным образом это касалось приемлемых методов борьбы, отношения к демократии и диктатуре), Вольский перешел в ряды меньшевиков-«ликвидаторов», а в середине 1917 г. из-за несогласия с партийным курсом окончательно покинул РСДРП. Всегда отличавшийся независимостью нрава и, если можно так выразиться, организационным нонконформизмом, он стал марксистом общего направления, не скованным доктриной определенной партии, и десять лет после Октябрьского переворота еще жил в Советской России, работал в ВСНХ. Валентинов успел уехать за границу незадолго до начала «эры репрессий», в конце 1920-х гг., и в эмиграции продолжал отстаивать мысль о том, что общественный строй без подлинной демократии и гражданских свобод социализмом называться не может.

Старый народник Н.В. Чайковский, «дедушка русской революции», с начала 1900-х гг. был близок к эсерам, заняв должность секретаря основанной В.М. Черновым Аграрно-социалистической лиги (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 490). С 1904 г. Чайковский вошел в Заграничный комитет ПСР, занимаясь доставкой литературы и оружия в Россию. Непоседливый нрав и политический темперамент старого социалиста не позволяли ему пассивно ожидать перемен, которые неизвестно, когда наступят в России, и Чайковский неутомимо искал разные пути применения своих сил, переходя из одной народнической организации в другую, не изменяя, однако, своего общего идеологического курса. В 1910 г. на суде он был оправдан после заявления о том, что никогда не принадлежал к партии социалистов-революционеров, и это дало ему возможность легализоваться в России в то время, когда для эсеров политическая арена была закрыта. Затем, действительно покинув партию, Чайковский вступил в ряды кооперативного движения. В 1916–1917 гг. он уже входил в состав ЦК Трудовой группы, в течение десяти лет позиционировавшей свою внепартийность, а в 1917 г., когда трудовики объединились с народными социалистами, баллотировался от единой Трудовой народно-социалистической партии во Всероссийское Учредительное собрание (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 490-491). В эмиграции Чайковский стал одним из организаторов Заграничного комитета ТНСП и членом множества общественных объединений правовой и гуманитарной направленности. Политический «бэкграунд» старого народника был настолько впечатляющим, что мало кто всерьез упрекал его за «неусидчивость» в одной организации, тогда как менее заслуженным и более молодым политикам обычно крепко доставалось от обиженных единомышленников за переходы из одной партии в другую. В этом смысле особняком стоит этап формирования народнических партий, когда создавались партии социалистов-революционеров и народных социалистов, – у них были реальные шансы войти в российскую политику единой организацией, но по ряду причин этого не произошло (Протасова, 2020: 1367-1377). Процесс размежевания был не одномоментным и потребовал от многих неонародников серьезного раздумья. Смещение политической ориентации несколько вправо и возможность выбора партии, программа и тактика которой более отвечала запросам убежденного народника, по мере взросления склонявшегося от радикализма к умеренности, было в 1906–1907 гг. вполне естественным. Так, например, А.А. Титов, химик с мировым именем, в молодости, располагая собственными средствами, оказывал поддержку эсерам-боевикам и, по некоторым данным, первоначально принадлежал к ПСР, но с 1906 г. активно включился в построение народно-социалистической партии, став одним из основателей ее московской группы (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 434). Титов и Чайковский были в числе 4 представителей трудовых и народных социалистов, избранных во Всероссийское Учредительное собрание. Попав в эмиграцию, Титов принял деятельное участие в создании заграничной организации ТНСП и подчеркивал принадлежность к ней даже тогда, когда по причине длительного отрыва от отечественной политической арены и отсутствия реальной конкурентной межпартийной борьбы это стало утрачивать принципиальную значимость. Н.А. Чарушин, революционер-народник старшего поколения (род. 1851), не принял эсеровские методы с террором и экспроприациями и в 1906 г. вошел в партию народных социалистов вместе со своим политическим детищем – Вятским демократическим союзом, созданным годом ранее.

Поэт и публицист П.Ф. Якубович (Л. Мельшин), наоборот, в результате размышлений предпочел более решительные, чем у народников-эволюционистов, политические средства и вошел в ПСР, хотя своим уходом с первого учредительного этой партии (декабрь 1905 – январь 1906 гг.) вместе с будущими народными социалистами А.В. Пешехоновым, В.А. Мякотиним и Н.Ф. Анненским

выразил несогласие с эсеровскими тактикой и некоторыми моментами партийной платформы (Пешехонов, 1917: 327-328).

Известный экономист и публицист Н.П. Огановский, напротив, в 1917 г. перешел к эсерам из народно-социалистической партии, так как увидел в ПСР больше перспектив в условиях революции (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 286). По свидетельству М.В. Вишняка, Огановский, обратившийся к нему как члену технической Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание с просьбой о регистрации кандидатом от ПСР по Воронежскому избирательному округу, вполне искренне выразил убеждение, что на текущий момент «различия между эс-эрами и эн-эсами почти совсем стерлись» (Вишняк, 1954: 300). Вишняк, согласившийся с полезностью Огановского для эсеровской фракции, предоставил политической совести новоявленного эсера решать этический вопрос партийной верности. Сам он при этом, судя по тону его рассказа, скорее осуждал Огановского за столь откровенный политический прагматизм в ключевой для русской демократии момент. В результате Огановский был избран депутатом, участвовал в разработке эсеровского законопроекта о земле. Но, когда Учредительное собрание не сумело выполнить своего предназначения, первыми, кого обвинил в этом Огановский, оказались эсеры (Вишняк, 1954: 300). Были отдельные случаи переходов от народных социалистов к кадетам и наоборот: несмотря на «формальный» показатель – разные идеологии – по многим принципиальным вопросам социального характера эти партии были очень близки. Так, известный историк С.П. Мельгунов, в 1906 г. вступивший в Партию народной свободы, в 1907 г. перешел в народно-социалистическую, в рядах которой развил особенную активность в последующий период. В годы Первой мировой войны он способствовал попыткам А.Ф. Керенского объединить народнические силы – энесов и эсеров, поскольку эта идея представлялась все еще перспективной и не вполне утопической. Осенью 1917 г. на выборах во Всероссийское Учредительное собрание (он баллотировался от ТНСП по московскому избирательному округу) в своей программе Мельгунов запланировал объединение «всех одномыслящих партийных группировок» (Емельянов, 1998: 49), что, по его мнению, должно было стать «признаком нашей политической зрелости и величайшей победы русской демократии» (Емельянов, 1998: 49). Интересно, что в указанную предвыборную кампанию Мельгунов призывал своих однопартийцев максимально отмежеваться от кадетов (Емельянов, 1998: 49), поскольку, полагал он, демократический характер кадетской программы и широкая известность Партии народной свободы приведет к фактическому «поглощению» ТНСП либералами, лишит их, так сказать, если не организационного, то, во всяком случае, идеологического суверенитета. Впоследствии, в эмиграции, С.П. Мельгунов был одним из наиболее деятельных в политическом отношении представителей умеренного социализма, и широта его взглядов привлекала к нему как бывших кадетов, так и сподвижников-социалистов, в том числе правых эсеров. Мельгунов оказался в числе самых непримиримых антибольшевиков и заявлял о необходимости создания единого антикоммунистического фронта всего политического спектра русской эмиграции. В условиях изменения характера политической активности (невозможность настоящей самореализации как публичного политика в инокультурной среде – ведь в условиях оторванности от отечественной политической арены принадлежность к партиям по факту носила скорее номинальный характер) четкая идеологическая ориентация Мельгунова, как и ряда других демосоциалистических деятелей, претерпела вполне закономерную эволюцию. Со временем, а точнее в первой половине 1930-х гг., на первый план вместо конкретно-партийных установок стали выходить более универсальные идеалы: приверженность общедемократическим ценностям прав и свобод и отвращение к любой форме диктатуры.

В демократической среде предреволюционной и революционной России были и неожиданно резкие межпартийные «передислокации». Так, один из лидеров «Народной воли», в молодости – ярый поклонник политического террора Н.А. Морозов, просидевший почти четверть века в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, осенью 1917 г. выдвинулся в Учредительное собрание от кадетов. Когда его спросили, чем он, бывший революционер, руководствовался, вступая в партию с весьма умеренной платформой, Морозов ответил, что цели «Народной воли» – политические реформы и конституционный образ правления – ближе всего к Партии народной свободы (Протасова, 2017: 57). Были и обратные процессы – «справа влево»: например, В.Х. Даватц, С.П. Мельгунов, Б.Л. Петерсон перешли от кадетов к народным социалистам; политическая линия выходца из дворян Тамбовской губернии Л.Д. Брюхатова была еще сложнее: он начинал эсером, затем предпочел Партию народной свободы, а оттуда уже перешел к энесам. Подобные перемещения удивления не вызывают, поскольку партии как организации сформировались в России в достаточно короткий срок, но все же не одновременно, и с появлением партии, более точно отвечающей политическим запросам, человек мог перейти в нее, что выглядело естественно. По справедливому мнению историка М.Е. Разинькова, народно-социалистическое направление во многих отношениях «было генетически скорее связано с кадетами, нежели с эсерами» (Разиньков, 2019: 181). Хотя либерализм и социализм – идеологии, принципиально различающиеся по ряду ключевых вопросов, пример народных социалистов показывает, что и близость между ними была немалая: внимательное отношение к человеческой личности, ее правам и свободам, признание приоритета права в

государственном строительстве и т.п. Да и политический темперамент энесов гораздо больше походил на темперамент либеральных, нежели прочих социалистических партий: принципиальное решение действовать исключительно открыто, отрицание нелегальщины и тем более террора. Выдающийся отечественный историк, философ-позитивист, социолог, педагог и общественный деятель Н.И. Кареев допускал, что, если бы партия народных социалистов образовалась раньше кадетской, он примкнул бы именно к ней (Кареев, 1990: 235). Самая же крутая идейная эволюция была проделана депутатом II Государственной Думы от Вятской губернии, агрономом и эконом-географом, специалистом по сельскому хозяйству русского Севера Д.И. Деларовым: кадет – энес – эсер – левый эсер. Деларов, в отличие от большинства своих бывших сподвижников, безоговорочно принял советскую власть. Такое полевение с возрастом у тех, кто изначально выбрал умеренную идеологическую ориентацию, – явление нечастое, практически единичное.

Так, среди сколько-нибудь видных представителей российской политической элиты буквально наперечет примеры переходов от эсеров к меньшевикам (историограф Февральской революции Н.Н. Суханов-Гиммер) (Вишняк, 1954: 40) и наоборот, равно как и от большевиков к эсерам, от народных социалистов к большевикам и меньшевикам, от кадетов к большевикам и меньшевикам. Думается, идеологический фактор играл свою роль в таком постоянстве: на радикальную смену идеологии были готовы лишь единицы, причем из тех, кто присоединился к той или иной партии, когда они вовсю уже действовали, не слишком обременял себя теоретическими выкладками и признавал в политике не философию, а практику. Поэтому те, кто стоял у истоков партийной системы России, практически не замечались в политико-ротационных процессах. Иное дело – перемещения внутри одного идеологического лагеря, будь то народнический, марксистский или либеральный. Из большевиков в меньшевики переориентировались известный историк и экономист Н.А. Рожков, разошедшийся во взглядах с Лениным по аграрному вопросу на IV партийном съезде в 1906 г.; литературовед и педагог В.А. Десницкий, сначала убежденный большевик, но в 1917 г. перешедший в РСДРП, а с 1920 г. и вовсе беспартийный, чудом избежавший высылки из СССР; упомянутый выше Н.В. Вольский (Валентинов), также проделавший путь из большевиков в меньшевики и затем в беспартийные. Самый известный, хотя, возможно, и не типичный пример, – основатель первой в России марксистской организации, философ, экономист, писатель-публицист, человек необычайно широкого ума Г.В. Плеханов, который после II съезда РСДРП короткое время был большевиком, но затем разошелся с Лениным и стал одним из лидеров меньшевистской фракции. Таким образом, патриарх русского марксизма в конечном итоге отдал предпочтение не организационному единству марксистов, а идеям демократического социализма. Этого Ленин не мог простить Плеханову, хотя и признал его философскую платформу «лучшей во всей международной литературе марксизма» (Ленин, 1970: 290). Примеры обратной эволюции – М.П. Павлович (настоящее имя М.Л. Вельтман), Л.Д. Троцкий. Нельзя в этом ряду не отметить и А.Я. Вышинского, в 1903 г. вступившего в меньшевистскую организацию РСДРП и перешедшего в РКП(б), в составе которой сумел сделать впечатляющую государственную карьеру, но сохранить при этом свободу и жизнь, лишь в 1920 г. Безусловно, в данных случаях политический расчет взял верх над чисто идейными соображениями. Как правило, то же самое можно сказать и о тех, кто в период Великой Российской революции перешел из эсеровского стана в большевистский. Таких людей было довольно много: М.Х. Поляков, М.П. Ремизов, А.Я. Аросев (отец известной советской и российской актрисы О.А. Аросевой), И.Д. Смирнов, С.В. Евменьев, Я.С. Агранов (заместитель председателя ОГПУ – НКВД, расстрелянный в 1937 г.), Я.Г. Блюмкин, К.А. Усов, Г.И. Семенов, М.И. Калманович, Ф.А. Кольцов, К.Я. Федотов, В.В. Пахомов, И.А. Сенченко и др. Как правило, таким переходам способствовали деструктивные процессы в эсеровской среде, завершившиеся расколом ПСР осенью 1917 г., и в 1918 г. многие левые эсеры автоматически становились большевиками. У российских радикалов межпартийные ротации диктовались, как правило, отнюдь не переменой идеологических принципов (зачастую знакомство с идеологией было крайне поверхностным, и к 1917 г., особенно для малограмотных новообращенных, вошедших в радикальные организации после Февраля, понятия «марксизм» и «народничество» стали скорее абстрактными), а именно принадлежностью к «левизне», ну и, конечно, целесообразностью – факторами не интеллектуального, а эмоционального характера. У умеренных переходы из одной партии в другую объяснялись уточнениями убеждений, выбором предлагаемых платформ (то есть соображениями мировоззренческого, принципиального порядка), реже – политическим расчетом: резких и, главное, искренних смен мировоззрения с эволюционного народничества или либерализма на марксизм, которые бы сопровождались партийной переориентацией, практически не было.

5. Заключение

В качестве основного вывода следует отметить, что российская демократическая среда начала XX в. была «организмом», отнюдь не застывшим, а очень динамичным, подверженным количественным и качественным изменениям, с циклами затухания и всплеска активности, зависевшими от внешних обстоятельств, а именно от политической конъюнктуры. Далеко не все партии на протяжении своей деятельности сохраняли внутреннее единство. Так, довольно сложно

четко схематизировать процессы, происходившие, например, в мире эсеров за годы существования этой большой и влиятельной, чрезвычайно перспективной, но крайне разномастной организации. При этом межпартийные ротации в российской демократической среде носили не массовый и даже не групповой, а скорее индивидуальный характер, и политическое самоопределение представителей демократических партий в большинстве случаев было вполне взвешенным и твердым. Выбрав идеологическое направление – либерализм либо социализм, во втором случае определившись – марксизм либо народничество, отечественные демократы, за некоторыми лишь исключениями, в течение жизни следовали избранному ими в молодости политическому курсу.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

Литература

- Всероссийское Учредительное собрание, 2014 – Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014.
- Государственная Дума, 1906 – Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906.
- Валентинов, 1993 – Валентинов Н.В. Недорисованный портрет. М., 1993.
- Гусев, 1999 – Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.
- Емельянов, 1998 – Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998.
- Ерофеев, 1979 – Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.
- Зензинов, 1953 – Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953.
- Искра, 1902 – Искра. 1902. 18 марта.
- Кареев, 1990 – Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
- Коновалова, 2009 – Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009.
- Кретинин, 2007 – Кретинин С.В. Карл Каутский, 1854–1914 гг. Воронеж, 2007.
- Ленин, 1970 – Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 42. М., 1970.
- Леонов, 2019 – Леонов М.И. Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX–XX вв. // *Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 3 / Редкол.: Г.Н. Мокшин (отв. ред.) и др. Воронеж, 2019. С. 146–161.
- Морозов, 1998 – Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.
- Морозов, 2013 – Морозов К.Н. Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. // *Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век: Материалы международного colloquiuma* (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года). СПб, 2013. С. 134–148.
- Морозов, 2014 – Морозов К.Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // *Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции* / Отв. ред. К.Н. Морозов; сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. М., 2014. С. 37–56.
- Пешехонов, 1917 – Пешехонов А.В. Почему мы тогда ушли? // *Русское богатство*. 1917. № 11–12. С. 325–340.
- Политические деятели российской провинции, 2013 – Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина / В.Л. Дьячков [и др.]. Тамбов, 2013.
- Протасова, 2004 – Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004.
- Протасова, 2017 – Протасова О.Л. Деятели демократического социализма в контексте политической культуры российского общества первой четверти XX века. Тамбов: Издательство ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2017.
- Протасова, Бикбаева, 2020 – Протасова О.Л., Бикбаева Э.В. Н.Ф. Анненский – общественный и политический деятель либерального народничества // *Манускрипт*. 2020. № 3. С. 38–44.
- Разиньков, 2019 – Разиньков М.Е. Трудовая народно-социалистическая партия в Воронежской губернии в 1917–1918 гг.: политический карлик или центр самоорганизации интеллигенции // *Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 3. Воронеж, 2019. С. 181–200.
- Сенявский, 2013 – Сенявский А.С. Трансформация российского общества в XIX–XX вв. и личностные модели поведения // *Человек и личность в истории России, конец XIX – начало XX вв.*: Материалы международного colloquiuma. СПб, 2013. С. 68–82.
- Шубин, 2007 – Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007.
- Protasova, 2020 – Protasova O.L. Russian Neo-Populists the First Quarter of the XXth century in Inter-Party Relation and Interpersonal Relationships // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1367–1377.

References

- Emelyanov, 1998 – Emelyanov, Yu.N. (1998). S.P. Melgunov: v Rossii i emigracii [S.P. Melgunov: in Russia and emigration]. M. [in Russian]

- [Erofeev, 1979](#) – *Erofeev, N.D.* (1979). Narodnye socialisty v pervoj russkoj revolyucii [The People's Socialists in the first Russian Revolution]. M. [in Russian]
- [Gosudarstvennaya Duma, 1906](#) – Gosudarstvennaya Duma pervogo prizy'va. Portrety, kratkie biografii i xarakteristiki deputatov [The State Duma of the first draft. Portraits, brief biographies and characteristics of deputies]. M., 1906. [in Russian]
- [Gusev, 1999](#) – *Gusev, K.V.* (1999). V.M. Chernov. Shtrihi k politicheskomu portretu [V.M. Chernov. Touches to the political portrait.]. M. [in Russian]
- [Iskra, 1902](#) – *Iskra*. 1902. March 18.
- [Kareev, 1990](#) – *Kareev, N.I.* (1990). Prozhitoe i perezhitoe [Lived and experienced]. Leningrad. [in Russian]
- [Konovalova, 2009](#) – *Konovalova, O.V.* (2009). V.M. Chernov o putyah razvitiya Rossii [V.M. Chernov about the ways of development of Russia]. M. [in Russian]
- [Kretinin, 2007](#) – *Kretinin, S.V.* (2007). Karl Kautskij, 1854-1914 gg. [Karl Kautsky, 1854-1914]. Voronezh. [in Russian]
- [Lenin, 1970](#) – *Lenin, V.I.* (1970). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Izdanie 5. V 55 t. T. 42. M. [in Russian]
- [Leonov, 2019](#) – *Leonov, M.I.* (2019). Narodnichestvo v partijnyh i obshchestvennyh otnosheniyah rubezha XIX – XX vv. [Populism in party and public relations at the turn of the XIX-XX centuries]. *Narodniki v istorii Rossii*. Voronezh. Pp. 146-161. [in Russian]
- [Morozov, 1998](#) – *Morozov, K.N.* (1998). Partiya socialistov-revolucionerov v 1907-1914 gg. [The Party of Socialist Revolutionaries in 1907-1914]. M. [in Russian]
- [Morozov, 2013](#) – *Morozov, K.N.* (2013). Fenomen subkul'tury rossijskogo revolyucionera nachala XX v. [The phenomenon of the subculture of the Russian revolutionary of the early twentieth century]. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konec XIX–XX*. SPb. Pp. 134-148. [in Russian]
- [Morozov, 2014](#) – *Morozov, K.N.* (2014). «Partiya tragicheskoj sud'by»: vklad partii socialistov-revolucionerov v koncepciju demokraticheskogo socializma i ee mesto v istorii Rossii [“The Party of Tragic Fate”: the contribution of the Party of Socialist Revolutionaries to the concept of democratic socialism and its place in the history of Russia]. *Sud'by demokraticheskogo socializma v Rossii*. M. Pp. 37-56. [in Russian]
- [Pis'ma V.M. Chernova, 2014](#) – «My, russkie, drugie, my sozdany dlya ispytanij» [We, Russians, others, we are created for testing]. Pis'ma V.M. Chernova. 1920-1941. Saratov, 2014. [in Russian]
- [Peshekhonov, 1917](#) – *Peshekhonov, A.V.* (1917). Pochemu my togda ushli? [Why did we leave then?]. *Russkoe bogatstvo*. 11-12: 325-340. [in Russian]
- [Politicheskie deyateli rossijskoj provincii, 2013](#) – Politicheskie deyateli rossijskoj provincii [Political figures of the Russian province from the era of Nicholas II to Stalin]. V. L. Dyachkov [et al.]. Tambov, 2013. [in Russian]
- [Protasova, 2004](#) – *Protasova, O.L.* (2004). A.V. Peshekhonov: Chelovek i epoha [A.V. Peshekhonov: Man and the Epoch]. M. [in Russian]
- [Protasova, 2017](#) – *Protasova, O.L.* (2017). Deyateli demokraticheskogo socializma Rossii v kontekste politicheskij kul'tury rossijskogo obshhestva pervoj chetverti XX veka [Figures of democratic socialism in Russia in the context of the political culture of Russian society in the first quarter of the twentieth century figures of democratic socialism in Russia in the context of the political culture of Russian society in the first quarter of the twentieth century]. Tambov. [in Russian]
- [Protasova, 2020](#) – *Protasova, O.L.* (2020). Russian Neo-Populists the First Quarter of the XXth century in Inter-Party Relation and Interpersonal Relationships. *Bylye Gody*. 57(3): 1367-1377.
- [Protasova, Bikbaeva, 2020](#) – *Protasova, O.L., Bikbaeva, E.V.* (2020). Annenskij – obshchestvennyi i politicheskij deyatel' liberal'nogo narodnichestva [N.F. Annensky as a public and political figure of the liberal populism]. *Manuscript*. 3: 38-44. [in Russian]
- [Razin'kov, 2019](#) – *Razin'kov, M.E.* (2019). Trudovaya narodno-socialisticheskaya partiya v Voronezhskoj gubernii v 1917-1918 gg.: politicheskij karlik ili centr samoorganizacii intelligencii [The Labor People's Socialist Party in the Voronezh Province in 1917-1918: a political dwarf or a center of self-organization of the intelligentsia]. *Narodniki v istorii Rossii*. Voronezh. Pp. 181-200. [in Russian]
- [Senyavskij, 2013](#) – *Senyavskij, A.S.* (2013). Transformaciya rossijskogo obshhestva v XIX – XX vv. i lichnostnye modeli povedeniya [The transformation of Russian society in the XIX – XX centuries and personal models of behavior]. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX – nachalo XX vv.: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma*. SPb. Pp. 68-82. [in Russian]
- [Shubin, 2007](#) – *Shubin, A.V.* (2007). Socializm. «Zolotoj vek» teorii [Socialism. The "Golden Age" of theory]. M. [in Russian]
- [Vishnyak, 1954](#) – *Vishnyak, M.V.* (1954). Dan' proshlomu [A trinite to the past]. New-York. [in Russian]
- [Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie, 2014](#) – Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: Enciklopediya [All-Russian Constituent Assembly: Encyclopedia]. Avtor-sostavitel' L.G. Protasov. M., 2014. [in Russian]
- [Zenzinov, 1953](#) – *Zenzinov, V.M.* (1953). Perezhitoe [Experienced]. New-York. [in Russian]

Идеологическое самоопределение и межпартийные ротации в российской демократической среде (конец XIX – начало XX вв.)

Ольга Львовна Протасова ^{a, *}

^a Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения опыта политической социализации, полученного ведущими представителями российских демократических партий в конце XIX – начале XX вв. Характер событий социально-политического характера, происшедших в означенный период в Российской империи, в немалой степени созвучен тому, что наблюдается в России современной: это рост гражданской сознательности и активизма, заметная демократизация политической (особенно оппозиционной) элиты, возникновение и оформление многочисленных и разнообразных политических и общественных организаций. На примерах биографий видных деятелей демократического социализма России начала XX века впервые в комплексе показаны основные факторы социального и демографического характера, способствовавшие выбору той или иной идеологической и, как следствие, организационно-партийной ориентации представителей общественно активной молодежи модернизационного периода. Новизна исследования состоит также в выявлении тенденций формирования идейно-политических предпочтений у представителей разных социальных групп, сословий и прочих социальных сегментов. Выделены закономерности формирования политических предпочтений будущих политиков: их социальное происхождение (сословность), места начала трудовой деятельности, образовательные учреждения, товарищеское окружение, внешнее влияние и мода, возраст вступления в активную политику и пр. Отмечается, что межпартийные ротации в данной среде носили не массовый, а индивидуальный характер, и политическое самоопределение представителей российских демократических партий начала XX века было, как правило, взвешенным и твердым.

Ключевые слова: демократический социализм, неонародничество, марксизм, политические партии, идеология, модернизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olia.protasowa2011@yandex.ru (О.Л. Протасова)